

The three-level phono-grammar order and its derivational connecting link: the elements of language system (on the material of Arabic)

[Трёхуровневый фонограмматический строй и его словообразовательное связующее звено: элементы языковой структуры (на материале арабского языка)]

Raheem Ali Al-foadi – Nailya G. Mingazova

DOI: 10.18355/XL.2018.11.04.06

Abstract

The paper deals with the progressive levels of phono-grammar and the role of word formation connecting different levels of the Arabic language. The clear selection of minimally significant language elements solves the problem of the linguistic science back-development and contributes to resolving the controversial issues while defining criteria for singling out parts of speech. The phonetic changes of basic elements at the word formation level provide the root with morphonological markers influencing the word declension; as a result the word formation serves as the link connecting all language levels. All these reveal the essence of the progressive inflected language categorization system – the phono-grammar.

Key words: root, phono-grammar, elements of language system, parts of speech, morphonology, Arabic

Аннотация

Статья посвящена прогрессивным уровням фонограмматики и роли словообразования, связывающего разные уровни арабского языка. Чёткое выделение минимальных значимых элементов языка решает проблему обратного направления развития науки о языке и способствует разрешению спорных вопросов при определении критериев для выделения частей речи. Фонетические изменения базовых элементов, происходящие на уровне словообразования, придают корню морфонологические маркеры, влияющие на склонение слов, в результате чего словообразование выступает звеном, соединяющим все уровни языка. Этим обуславливается прогрессивная флективная система языковой категоризации – «фонограмматика».

Ключевые слова: корень, фонограмматика, элементы языковой системы, части речи, морфонология, арабский язык

Введение

Фонограмматика – это целостная флективная языковая система, которая включает в себя не только значимое звукоподражание элементов корня как основной материал языка, способный далее категоризоваться и быть основой флективного строя, но и охватывает морфонологию и фоновсинтаксис. Она представляется способом выражения семантических и грамматических значений посредством количественного изменения состава корня и грамматических звуков под влиянием фонетических изменений (Al-foadi, 2016b: 142-145). Фонограмматика как предлагаемая языковая система, в которой базовые элементы языка категоризируются и получают свои грамматические маркеры, по которым далее развивается прогрессивная флективная система словообразования и словоизменения, может охватывать весь языковой строй, начиная с базового уровня. Однако она требует связующего звена, посредством

которого базовые элементы языка как ключевые единицы обратного направления науки о языке, могут трансформироваться в более сложные структуры. Для достижения данной цели необходимо установить ту логическую цепочку, с помощью которой будет возможно доказать научную гипотезу Е.Куриловича об обратном движении языковой системы – от элементов (слогофоном) к структурам, так как эти элементы были извлечены из структур; от современной лингвистики мы ждём строгого и явного анализа структур (Kurilovich, 1962: 15).

Исходя из того, что трудно говорить о флективном строе языка в целом без установления его исходной базы, необходимо определить правила, в соответствии с которыми минимальные элементы могут считаться базовыми, способными на дальнейшую языковую категоризацию, так как фонограмматика неотделима от фоносемантики (Al-foadi, 2015b: 13). Не все звуки в человеческих языках могут образовать значимые, обладающие возможностью языковой категоризации элементы; на это способны только те сочетания звуков, с которыми связываются лексические значения языков. Слова, подвергающиеся морфологической и синтаксической категоризации, имеют одно и то же лексическое значение, которое не может быть утрачено в процессе полной флективной категоризации, иначе возникает риск потери связи между словоформами. Устойчивость данного значения при грамматической категоризации свидетельствует о наличии системы правил, в соответствии с которыми внутри языковой единицы происходит организация базовых элементов, обеспечивающая семантическое и грамматическое единство слова, а сами базовые элементы, строго подчинённые данной системе, несут в себе смысловую нагрузку для данного единства.

Установление законов, по которым различается лексическое значение корней как результат разработки первого уровня фонограмматики – фоносемантики, не решает проблему устойчивости базовых элементов, поскольку для целостной прогрессивной флективной системы необходимы прочные связи, которые объединят все уровни языковой системы. Поэтому прежде чем анализировать словообразование как связующее звено различных уровней языков флективного строя – фонограмматического, и переходить на синтаксис как последнее звено данной цепи, необходимо выделить то «сырьё» слова, которое модифицируется достаточно гибко, чтобы иметь фонетическое значение, морфологические маркеры и синтаксические изменения. Другими словами, для полного раскрытия фонограмматического уровня в языках флективного строя, необходимо установить языковые правила, в соответствии с которыми соединяются базовые элементы корня и роль словообразования, которому приписывается функция «соединителя» разных уровней языков флективного строя и дальнейшую категоризацию слов в данной системе, начиная с фоносемантики.

Методологической основой данной работы является системный подход к исследованию прогрессивных уровней языка. Цель и задачи работы определяют выбор методов анализа взаимосвязи языковых уровней и выделения элементов языковой системы и частей речи. В работе были также использованы дедуктивный и функционально-структурный подходы.

Фоносемантика как первый уровень фонограмматики

Идеи Аристотеля о преобладании фонетико-семантического аспекта языка над структурно-грамматическим показывают, что языковая система может начинаться с минимальной значимой единицы языка (элемента – основного звука по терминологии Аристотеля). Теория Аристотеля о выделении частей словесного изложения, начинающаяся с элемента, за которым следуют слог,

союз, член, имя и глагол (Tronkiy, 1941: 22-25), не была в полной мере реализована в качестве самостоятельной языковой системы ни для одного из современных языков. Однако, сам Аристотель, кроме этого выделяет флексию и предложение, что может служить указанием на существование языковой системы, в состав которой входят и части речи. Данное явление представляется целостной языковой системой, охватывающей все уровни языка. Достаточных научных доказательств данной теории не было представлено, поэтому она не могла служить постулатом того, что языковая система может развиваться от минимальных элементов к структурам. К нашему сожалению, теория Аристотеля не воспринималась как полноценная языковая система, а, вероятнее всего, считалась первобытной классификацией частей речи, однако это не делает ее неприменимой в современной науке о языке. Однако, вероятность рассмотрения иного подхода к систематизации языка (рассмотрению языковой системы) – от минимальных элементов к структурам – увеличивается день за днем в силу того, что наука склонна к изучению точнейших деталей любого явления (языкового элемента). Крупнейший труд знаменитого средневекового арабского лингвиста Аль-Фарахида – словарь ‘Al-‘Ain’ – показывает, что и средневековые арабские авторы занимались изучением минимальных значимых элементов языка как первым уровнем флективного строя. Словарь арабского языковеда был составлен по звуко-физиологическому принципу, и учитывает фонетико-семантический аспект языка (Al-farahidi, 1985). Если часть книги Аристотеля была утрачена, то труд арабского лингвиста цел, и в нём чётко выделяются минимальные элементы арабского языка, что позволяет нам анализировать возможность данной концепции быть рассмотренной в рамках современного этапа развития языкознания. К тому же значимый элемент – звук, который во времена Аристотеля не мог быть отнесён к лингвистическим категориям, в современности может быть введён в языковедческую науку и иметь своё подтверждение, основываясь на современных языковых теориях.

Установление базовых элементов как первого уровня развития фонограмматики зависит от выделения составляющих единиц корня. Так, Ибн Джинни определяет их как оригинальные элементы (Ibn Jini, 1950: 2), с которыми связывается вещественное значение слов, в результате глагольные и именные корни в арабском языке представляют собой форму, построенную из трех букв (Alajmi Naser, 2006: 9). Их также можно рассматривать как форму, лежащую в основании склонения или спряжения (Potebnua, 1985: 3). Корень представляется как «Совокупность согласных, с которыми связывается вещественное, а не грамматическое значение слова» (Grande, 1963: 11) и его считают «Неделимым остатком морфологического членения в синхронном плане, безотносительно к какой бы то ни было форме слов, в котором выделяются отдельные значимые элементы» (Belkin, 1975: 60). С формальной стороны, он определяется тем, что «Среди возможных формальных презентаций арабской морфологии, морфология корней и моделей это натуральная презентация. Корень – это морфемная абстракция, последовательность букв, в которой могут быть только согласные и долгие гласные» (Alexis, 2013: 223).

Исходя из того, что корень является устойчивым значимым сочетанием элементов, с которым связывается вещественное, неграмматическое значение слова не только в арабском языке, но и в русском – «корень – носитель вещественного, лексического значения слова, центральная его часть, оставшаяся неизменной в результате морфологической деривации; выражает идею тождества слова самому себе...» (Yartseva, 1998: 242), можно сделать вывод, что минимальные значимые элементы, на которые указывал Аристотель, могут быть выделены в корнях. Но нам необходимо отойти от философских суждений, чтобы доказать правоту теории Аристотеля о значимых элементах как основе

фоносемантики, которая представляется исходной точкой фонограмматического строя обратного направления науки о языке, то есть от элементов к структурам, с сохранением флективности. Однако необходимо извлечь элементы корня, чтобы продемонстрировать связь их значения со звучанием.

Как правило, корень извлекается посредством устранения словообразовательных и словоизменительных средств (Yartseva, 1998: 242). Так, в арабских словах *ṭaraqa* ‘стучать’, *raqaṭa* ‘делать пятнистым’, *qaṭara* ‘капать’; *ašara* ‘давить, сжать’, *raʿaša* ‘испытывать сдавливающую боль’, *šaraʿa* ‘сбивать’, выделяются корни *ṭrq* с общей идеей ‘полностью оформленный повторяющийся процесс отрывания’ и *ʿsr* с общим смыслом ‘приблизжённый к резанию, устойчивый повторяющийся процесс’. Формальное выделение корней дает нам возможность определить элементы, с которыми связывается общий смысл корня, но доказательство наличия в них значимого звукоподражания зависит от других критериев, которые мы рассмотрим ниже.

Звуко-физиологический принцип арабской фоносемантики, в соответствии с которым составлен словарь ‘Al-‘Ain’, стал прочной базой для теории звукоподражания, развитой в арабском языкознании (Belkin, 1975: 61). Научные идеи Аль-Фарахиди были разработаны его учеником Сибавейхи в известном труде ‘Al-Kitāb’ (Sībawayh, 2004). Также большой вклад в развитие систематизированной арабской теории звукоподражания внёс средневековый языковед Ибн Джинни (Ibn Jini, 2011), который сформулировал теорию шести переворотов, по которой как бы мы ни перевернули состав корня, он сохраняет одну общую идею (Al-foadi, 2016a: 21-22). Выделение арабских корней показывает, что лексическое значение связывается с составом корня, поэтому для установления чётких правил звукоподражания, необходимо выявить тот механизм, с помощью которого происходит процесс определения значимых элементов. Строение арабского корня демонстрирует значимый порядок следования элементов, который без трудностей выделяется как арабскими учеными, так и зарубежными арабистами. Первые два согласных несут в себе основной смысл корня, в связи с чем он может быть охарактеризован наличием общего семантического признака (Belkin, 1975: 60-61), обладающего звукоподражательным физиологическим характером. Таким образом, сочетание первых двух согласных элементов наделяется общей идеей как в следующих арабских сочетаниях: 1) *fr-* – ‘повторяющееся отделение’, а третий согласный уточняет общий смысл: *farrā* ‘раскалывать, разбивать, разрезать на куски’, *farada* ‘отделить по одному, делать зарубки о дереве’, *faraza* ‘отделять, сортировать’, *faraqa* ‘разъединить, разводить’; 2) *qt-* – ‘формообразующее резание’ а третий согласный конкретизирует смысл: *qaṭṭa* ‘резать вширь’, *qaṭaʿa* ‘резать’, *qaṭafa* ‘рвать, собирать цветы, плоды’, *qaṭama* ‘хватать зубами, цапать, откусывать’, *qaṭaša* ‘отделять кусочек, резать кончик’, *qaṭaga* ‘капать’.

Несмотря на организацию корней, при которой они обладают общим семантическим признаком, процесс установления детально разработанных правил арабской теории звукоподражания, неразрывно связан с научными постулатами, созданными Ибн Джинни. Более 12 веков назад Ибн Джинни писал, что «Равенство произношений тем действиям, равняющимся звукам произношений, есть большой подход. Арабы часто произносят звуки по признакам действий, выраженных этими звуками. Это больше того, что мы предполагаем, и на много раз больше, чем мы чувствуем» (Ibn Jini, 2011: 158). Правила, установленные Ибн Джинни, указывают на физиологическую основу арабского звукоподражания, так как в данной отрасли арабского языкознания, с самого её возникновения, физиологические аспекты языка рассматривались учёными как её неотъемлемая часть. Физиологический подход к изучению звукоподражания, установленный Аль-Фарахиди, развитый Сибавейхи и серьёзно дополненный Ибн Джинни, начал распространяться в

индоевропейском языкознании в 60-х годах прошлого века, когда Е. Курилович указал на возможность применения методов, относящихся к физике и к физиологии при изучении звучания элементарных подтипов (Kurilovich, 1962: 10). Стоит отметить, что в советской и российской науке о языке, фоносемантика была выделена как самостоятельная область языкознания, и разработана С.В. Ворониным в 80-х годах прошлого века; она «...еще делает первые шаги. Но это, как представляется, – шаги в направлении окончательно сформировавшейся интегративной науки» (Voronin, 2009: 206).

Если основной смысл корня зависит от его согласных, в соответствии с физиологическим принципом фоносемантики, то ожидаемым является существование точной системы звучания минимальных элементов корня, участвующих в его языковой категоризации (Al-foadi, 2016a: 20-25). При анализе теории Ибн Джинни о соотношении звучаний с признаками смысла и желаемыми целями, Хасан Аббас раскрыл физиологический порядок арабского звукоподражания, установив, что элементы арабского корня значимы не только по расположению и порядку следования, но и «подражают» трём действиям одного процесса. При этом «первый звук подражает началу действия, второй – его середине, а третий – его концу. Арабы изобразили действия и вещи звуками своего языка» (Abbas, 1998: 17).

Попытаемся проанализировать примеры, обращаясь к принципам физиологии и физики, так как звуковые волны, воспроизводимые органами речевого аппарата, являются акустическими колебаниями, при помощи которых человек определяет ключевой смысл базовых элементов корня. При этом любой базовый элемент должен иметь одно и то же смысловое значение звукоподражания где бы он не находился в структуре корня. Так, с арабскими элементами *'qtr'* связывается лексическое значение 'повторяющийся процесс отрывания и придания формы' и они выражают эту общую идею, как бы они ни были расположены по порядку следования, что указывает на наличие в них смыслового звукоподражания. Первый согласный звук /q/, который обычно соответствует началному действию процесса, образуется при попытке воздуха выйти из горла, однако воздушный поток отрывается целенаправленным усилием корня языка при сильной смычке между корнем языка и нёбом, в результате чего получается звук, напоминающий о некоем отрыве. Действие резания как начальный акт процесса, состоящего из трёх действий, соответствует произношению согласного, так как для резания необходимо приложить сосредоточенную силу режущего инструмента у места соединения орудия и материала. Поэтому звучание фонемы /q/ является акустическим кодом, соответствующим процессу отрыва, с которым ассоциируется действие резания. Второй согласный звук корня /t/ образуется без участия голосовых связок при смычке передней части языка с небом рта, далее язык принимает устойчивую форму под влиянием непрерывного потока воздуха после отрыва смычки. Язык сохраняет форму, при которой он расстилается на своем месте, как при молчании. Второе действие процесса (приобрести или придать форму) соответствует произношению звука /t/, так как после соединения режущего инструмента с материалом, отрезаемая часть принимает новую форму, которая сохраняется и инструмент продолжает действие, как продолжается поток воздуха. Физиологические движения органов речи при произношении звука /t/, превращаются в акустические колебания, в которых слышен не только взрыв смычки, но и выходящий без преград воздух, который сообщает о принятии языком новой формы после отрыва смычки, поскольку выдыхательный поток более не преграждается из-за отсутствия барьера.

Третий звук корня *'qtr'* это /r/, являющийся «нёбным, звонким повторяющимся звуком. При его произношении язык расслабленно отпускается

на пути выходящего из легких воздуха и под влиянием потока воздуха вибрирует, ударяя своим кончиком нёбо рта» (Al-Na'imī, 1989: 61). Таким образом, физиологические повторяющиеся удары языка, превращаются в акустические колебания, которым соответствует повторяющееся действие какого-то процесса как третий акт данного процесса, поэтому звук /r/ имеет смысловое звукоподражание – повторение.

Теперь проверим смысловое звукоподражание арабского корня 'qtr' с общей идеей 'повторяющийся процесс отрывания и придания формы' на примере слов арабского языка. Арабский глагол *qaṭara* 'капать' обладает полноценным смысловым звукоподражанием, так как три действия процесса капания соответствуют физиологическим действиям органов речи, произносящих согласные элементы этого корня. Процесс капания неосуществим без отделения капли от какой-то жидкости, который соответствует начальному звуку /q/, означающим отрыв. Отделённую часть жидкости нельзя назвать каплей, если она не приобретает соответствующую форму. Действие формирования капли является вторым после отрыва, что указывает на значимый порядок согласных звуков арабского корня *qaṭara* 'капать'. Нельзя назвать процесс капанием, если капли в нём не повторяются, так как одной капли недостаточно для того, чтобы назвать процесс капанием, более того повторение является третьим действием процесса, поэтому звук /r/, со звучанием которого связывается значение повторения, выступает третьим по порядку следования элементов корня *qaṭara* 'капать'. Итак, капание это процесс, имеющий три действия – отрыв, приобретение формы и повтор предыдущих действий.

Физиологическая фоносемантика организована так, что звук, с которым связывается какое-то значение, способен сохранить его смысловое звукоподражание, где бы он ни находился по порядку следования элементов корня, что привлекает внимание любого лингвиста – это действие, выраженное звуком. Если он располагается первым, то оно происходит первым, а если он выступает средним или последним, то оно ему полностью соответствует по расположению и времени. Если мы перестановим звуки 'qtr' в другом порядке, например *raqaṭa* 'делать пятнистым', то первый звук /r/ как и все элементы корня не утратит свое смысловое звукоподражание – повторение, так как нельзя сделать что-то пятнистым, если не повторять создание пятен как первое действие процесса, и нельзя назвать что-то пятнистым, если пятна не повторяются. Пятна не создаются и не называются таковыми, если они не приобретают форму, соответственно второе действие процесса 'делать пятнистым' – это приобретение ими формы, а данное действие выражается звуком /t/, который выступает вторым по порядку следования элементов корня, и с его звукоподражанием связывается идея оформления. Третье действие в образовании пятен соответствует третьему звуку /q/, который означает отрыв как третий акт процесса, поскольку нельзя назвать какие-то образования пятнами, если форменные связи между ними не разрываются.

Перестановка согласных корня и сохранение их значимого звукоподражания является веским доказательством и основой арабской теории звукоподражания, поскольку при повторной перестановке элементов корня, они не только сохраняют своё смысловое звукоподражание, соответствие действий процесса физиологическим звукам глагола, но и общий смысл сочетания согласных корня – 'повторяющийся процесс отрывания и придания формы'. Таким образом, в глаголе *ṭaraqa* 'стучать, ковать' первому звуку /t/ соответствует оформленное звуковое количество первого удара (стука), так как данный процесс состоит из нескольких ударов (стуков), каждый из которых оформляется и отделяется от последующего. Второму звуку /r/ соответствует второе действие процесса, так как стуканье или ковка являются повторяющимися звуками, что также соответствует особенностям физического

процесса произношения данного звука. Третье действие стуканья или ковки, соответствует третьему по порядку следования звуку /q/, который означает отрыв, отрезание, ведь каждый стук или ударковки должен быть оторван от предыдущего и последующего стука или удараковки.

Другой пример: перестановим базовые элементы глагола *faraqa* ‘разъединить’, чтобы получить глагол *faqara* ‘параграфировать’. Смысловое звукоподражание физиологическим особенностям звуков /q/ и /r/ мы анализировали выше, поэтому в данном случае обратим внимание на звук /f/. При произношении данного звука верхняя губа немного обнажает верхний ряд зубов, в то время как нижняя губа слегка прижимается к этому ряду. В таком положении воздуху, пытающемуся выдавить нижнюю губу, не удаётся пройти одним потоком, а только через маленькую щель и отделенными частями. Таким образом, звук, производящийся в результате разделения потока воздуха, создается в том месте, где губа прижимается к верхним зубам (через зубы), то есть голосовые связки не участвуют в образовании данного звука. Действие отделения, которое выражается этим звуком, соответствует способу образования данного звука, в ходе которого воздух отделяется в месте образования самого звука, где выходят отдельные части потока воздуха.

Сочетание звуков /f/ – ‘отделение’, /r/ – ‘повторение’ и /q/ – ‘резать, отрывать’ выражают один процесс из трех действий – ‘отделительный повторяющийся процесс, который отрывает’. Как мы уже упоминали, следование действий процесса соответствует порядку элементов корня, а сами действия соответствуют звукам корня. Порядок элементов глагола *faraqa* ‘разъединить’ отражает фоносемантику его элементов, так как для разъединения необходимо сначала отделить часть целого (/f/ – ‘отделение’), затем повторить действие (/r/ – ‘повторение’), чтобы отделить другие его части, и связь между всеми частями данного целого должна быть разорвана (/q/ – ‘резать, отрывать’) как последний акт разъединения.

Faqara ‘параграфировать’ имеет те же самые звуки /f/, /q/ и /r/, и обладает тем же общим смыслом, но порядок действий процесса изменяется в соответствии с порядком следования элементов корня, которому он соответствует. Поэтому процесс параграфирования начинается с письменного отделения параграфов друг от друга, далее письменная связь между параграфами разрывается, а повторение данных действий выступает как третье действие процесса составления текста. *Faqara* ‘позвонок’ имеет тот же самый порядок следования элементов корня. Это полностью соответствует семантике согласных элементов корня, поскольку позвонки отделяются друг от друга, костная связь между предыдущим и следующим позвонками разрывается, а отделение и отрыв костной связи позвонков должны повторяться, чтобы позвоночник позволял человеку свободно двигаться, без угрозы перелома.

Таким образом, арабские глаголы сохраняют свое смысловое звукоподражание и связанную с ним общую идею корня, например:

1. /ʃr/ с общей идеей ‘давить, жать’: *raʿaṣa* ‘испытывать сдавливающую боль’, *ʿaṣara* ‘давить, сжать’, *ṣaraʿa* ‘сдавливать’ (Al-foadi, 2016a: 22).
2. /ʃqr/ с общей идеей разъединения: *faraqa* ‘разъединить’, *faqara* ‘параграфировать’, *faqara* ‘позвонок’.
3. /qtr/ с общим значением ‘повторяющийся процесс отрывания и придания формы’: *qaṭara* ‘капать’, *raqaṭa* ‘сделать пятнистым’, *ṭaraqa* ‘стучать’ и др.

Благодаря развитой арабской теории звукоподражания, научная гипотеза Е.Куриловича об обратном направлении языкознания становится актуальной. Каждый элемент корня значим, и в сочетании с другими элементами придаёт корню вещественное, лексическое значение. В дальнейшем эти элементы категорируются внутренней флексией корня, приобретая морфологические

родовые, числовые и падежные маркеры, от которых зависят синтаксические маркеры, например, *ṭaraqa* 'стучать, ковать' – неопределенная форма глагола → *tāriq* 'тот, кто стучит, кует' – действительное причастие мужского рода в единственном числе, именительном падеже → *'n tārīqi* 'о том, кто стучит, кует' – действительное причастие мужского рода в единственном числе, родительном падеже после предлога.

Таким образом, можно увидеть, что в арабском языке базовые элементы, имея своё собственное лексическое значение, способны взаимодействовать, передавая синтез данных значений более высоким языковым структурам (словам), и сохраняют данные значения и своё смысловое звукоподражание при их использовании в синтаксисе.

Теперь вернемся к частям словесного изложения у Аристотеля, так как он выделил элемент как первый значимый звук языка, и его теория находит своё подтверждение на основе фактического материала арабского языка, поскольку минимальная значимая единица в нём это харф, который выделяется как первый элемент языковой системы, которую мы называем фонограмматикой. Наше внимание привлекает тот факт, что Аристотель смог описать подобную систему, при том, что он, вероятно, не был так близко знаком с семитскими языками, и точно не мог знать арабского языка, который оформился много позже жизни Аристотеля; в то же время, принцип перестановки элементов корня не столь выявлен в индоевропейских языках, что делает разработку данной теории Аристотелем ещё более интересным фактом, который может стать источником новых вопросов и открытий в языкознании.

Вторым элементом словесного изложения (языковой системы), выделенным Аристотелем является слог, но в данном случае подразумевается лексически значимый слог в составе языковой единицы, поскольку согласный сам по себе уже имеет значимое звукоподражание – физиологическое. В средние века данная научная теория была развита научным постулатом, установленным арабским лингвистом Ибн Джинни, который гласил, что согласный не может произноситься без «оживляющего» его гласного. Ибн Джинни доказывал свою теорию тем, что звук /m/ отдельно от гласного, произносится через нос, а если ему придаётся гласная сила, например /ma/, он произносится нормально (Ibn Jini, 2011: 30-46), что подтверждает то, что согласный и «оживляющий» его гласный есть один звук, а не два звука в слого. Позже данный постулат был признан русским лингвистом Ф.И. Буслаевым, утверждавшим, что «Гласные текучи, согласные тверды. Согласные можно назвать костью и плотью языка, гласные же тем, что орошает и живит твердые части кровью и дыханием» (Buslaev, 1992: 199). Фон Гумбольдт также считал, что «В действительности согласный и гласный взаимно определяют друг друга таким образом, что воспринимаются слухом в неразрывном единстве...» (Humboldt, 1984: 86).

Исходя из того, что согласные звуки арабского языка имеют свои значения в составе корня, и не могут быть произнесены без оживляющего их гласного, стоит отметить, что в составе арабского корня выделяется значимый харф (или значимая слогафонема). Три действия процесса определяют друг друга, и с каждым значимым физиологическим звукоподражанием арабского харфа связывается одно действие, а так как без гласных согласные не могут быть произнесены, не передавались бы акустические колебания харфа, необходимые для физического распознавания смысла. Здесь мы согласны с В.Б. Касевичем, признавшим минимальной артикуляционно-акустической единицей не морфему, а слогафонему (Kasevich, 1977: 40); мы, в свою очередь выделяем в арабском языке значимый харф. Как арабские средневековые языковеды (Gabuchan, 1965: 120-121), так и современники называют данный элемент

харфом. Его отличие от индоевропейского слога состоит в том, что он значим в составе корня, вне зависимости от его позиции.

Языковая система, разработанная Аристотелем, соответствует тому, что мы называем фонограмматикой. Он выделяет неделимый (основной) звук как первый элемент словесного изложения, а мы выделяем значимый арабский согласный звук в силу его звукоподражания физиологическим и физическим процессам, при его «оживлении» гласными, как минимальную значимую единицу данной языковой системы. Аристотель выделяет слог как второй элемент его словесного изложения, а мы выделяем значимый арабский харф как второй элемент фонограмматики, но не любой харф, а лишь входящий в состав корня, поскольку перестановка элементов арабского корня, не нарушает его ключевого смысла. В составе корня значимые элементы определяют, уточняют и конкретизируют друг друга так, что три действия процесса соответствуют значениям харфов по физиологическому принципу арабской фоносемантики.

Из вышесказанного проясняется выделение Аристотелем элементов словесного изложения на основе первого уровня арабской фонограмматики – физиологической фоносемантики. Становится ясной «первичная фоносемантическая самостоятельность», в соответствии с которой выделяются части речи у Аристотеля и Имама Али Ибн Абу Талиба. Однако следует отличать элементы фонограмматики от частей речи (элементы словесного изложения от частей речи), так как первые являются элементами целой флективной языковой системы, а вторые – частями речи. Основателем арабской грамматики и теории частей речи в арабском языке является Имам Али Ибн Абу Талиб, выделивший три части речи в арабском языке: имя, глагол и харф. При выделении частей речи, Имам Али определил их так: «Вся речь делится на имя, глагол и харф, имя – это то, что сообщает о номинированном (названном), глагол это то, что сообщает о действии названного, а харф это то, что сообщает о значении, но он ни имя, ни глагол» (Zgagi, 1987: 238).

Имя и глагол обладают первичной «фоносемантической самостоятельностью», с их элементами связывается их лексическое значение, и фоносемантически не имеют соответствий кроме физиологических звукоподражаний своих элементов. В них выделяется семантика номинации для имён и времени и действия для глаголов, которая не может быть мотивирована вторичной фоносемантической самостоятельностью. Например, *qaṭa'a* 'резать' и *qaṭ* 'резание' выражает семантику действия и номинации, которые выражены первичным физиологическим звукоподражанием всех согласных элементов, находящихся в соединении с гласными. Гласные в данном случае реализуют акустический потенциал согласных. Имя *qaṭ* 'резание' выражает семантику номинации, но оба слова *qaṭa'a* 'резать' и *qaṭ* 'резание' мотивированы физиологическим звукоподражанием своих элементов. Этому же правилу подчиняются также и прочие имена и глаголы, например, *silm* 'мир', *salama* 'сказать мир вам, здороваться по-арабски', *karam* 'щедрость' *karama* 'наградить'. Однако такие имена как *salīm* 'целый, здоровый', *karīm* 'щедрый' нельзя однозначно считать прилагательными, поскольку в них не выделяется фоносемантическая самостоятельность, семантически они мотивируются звукоподражанием элементов имён *silm* 'мир' и *karam* 'щедрость', поскольку: 1) слова данной категории (такие как *salīm* 'целый, здоровый', *karīm* 'щедрый') являются фоносемантически мотивированными; 2) в них выделяется изменение звукового количества по деривационным моделям арабского языка, то есть в них выделяются словообразовательные средства, которые являются признаками словообразовательной мотивации, что не позволяет их считать словами с первичной фоносемантикой. Из-за отсутствия первичной самостоятельности в данном типе слов, в арабском языке они не выделяются как самостоятельные

части речи, а их присоединяют к той части речи, которая является их фоносемантической мотивирующей базой, поскольку признак качества в них не обладает упомянутой самостоятельностью. Глагольные образования типа причастия и деепричастия также не обладают первичной фоносемантической самостоятельностью, они, в свою очередь, фоносемантически мотивируются звукоподражанием элементов глагола, от которого они образованы, и семантика действия и времени также берётся от него в силу звукоподражания его элементов, ввиду чего их нельзя считать частями речи. Поэтому со звукоподражательной точки зрения отсутствует необходимость выделения данного типа имён как самостоятельной части фоносемантического уровня.

По тому же принципу такие имена как *ḥamsa* 'пять' женского рода от *ḥams* мужского рода и от глагола *ḥamasa* 'упятерить', *talāṭa* 'три' для женского рода от *talṭ* мужского рода и от глагола *talāṭa* 'утроить', *ašra* и *ašrat* 'десять' от *ašr* от глагола 'удесятерить'. Фоносемантическая система арабского языка не позволяет выделить эти слова как самостоятельную часть речи, потому что они не обладают звукоподражательной самостоятельностью, а мотивируются именами, поэтому их также считают именами. Их лексическое значение определяется именами, обладающими первичной фоносемантической мотивацией. Наречие также не обладает фоносемантической самостоятельностью, оно мотивируется частью речи, обладающей первичной звукоподражательной самостоятельностью или мотивированной ею.

Местоимение, *damīr*, образовано от глагола *damara* 'скрывать, подразумевать', подразумевает имя с фоносемантической самостоятельностью при обязательном наличии признака, указывающего на подразумеваемое имя. Соответственно, без имён, не было бы и местоимений. Они находятся в неразрывной связи с именами, мотивируются их фоносемантикой, подразумевают их, и по этим причинам считаются именами в арабском языке. Арабское имя как грамматический термин является гипонимом, способным указать на целый класс слов, принадлежащих этой части речи – конкретное имя (существительное), либо на подкласс этой части речи (Kasher, 2012: 459).

Частицы, предлоги, союзы и междометия в арабском языке считаются харфами, так как они не обладают полной фоносемантической самостоятельностью и не мотивируются частями речи, обладающими этой способностью. Определение Имама Али успешно описывает их положение. Оно гласит, что они указывают на значение, но не являются ни именем, ни глаголом (Zgagi, 1987: 238). Это равносильно тому, что харф в именах и глаголах указывает на значение, а в соединении с другими харфами образует осмысленное слово с фоносемантической самостоятельностью. В них отсутствует полноценный согласный состав, обладающий необходимым для арабского глагола смысловым звукоподражанием трех действий процесса. В харфах выделяется один согласный, который неспособен передать идею полноценного процесса, состоящего из трёх действий. Таким образом, харф лишён своей звукоподражательной семантики, но в нём отсутствуют второй и третий коренные элементы, которые необходимы для межэлементной мотивации, в результате которой оформляется звукоподражательный процесс. Элементы корня находятся в мотивационных отношениях между собой, напоминающих о внутрискорневной мотивации (Kaḡam, 2009).

Для более подробного анализа рассмотрим звукоподражание слова харф в арабском языке. *ḥ* подражает физическим действиям речевых органов, так как данный звук выходит изнутри горла с помощью «оживляющего» его гласного, и попадает внутрь рта после смычки корня языка с горлом, а сильный поток воздуха обходит голосовые связки, составляя вместе с «оживляющим» гласным данный харф. Точка смычки и место образования звука очень близки, что придаёт особенную хрипоту в результате сильного напряжения голосовых

связок, при этом нарушается баланс звука из-за сильного воздушного потока, который проходит через голосовые связки. Этим оправдывается смысл, связанный с его звукоподражанием – действие, вокруг, внутрь, внутри кого-то / чего-то. Звук *r* – ‘повторение’, *f* – ‘отделение’. Даже если перестановим эти харфы, они сохраняют общую идею, связанную с ключевыми элементами корня – последовательно повторяющееся сконцентрированное на чём-то (внутреннее) действие. Проверим это по другим арабским словам: *ḥafara* ‘рыть, копать’ – чтобы рыть, необходимо направить инструмент внутрь и отделить части раскапываемого материала, и затем повторить направление действия внутрь и отделиения, чтобы процесс состоялся. Звукоподражательная номинация харфа отождествляется с его функцией. Сам он количественно изменяется в месте его образования, посредством разной гласной силы, приложенной для его произношения (*fa/fi/fu* и *fā/fī/fū* – это про харф-букву), и его звуковое количество, изменяясь, повторяется, чтобы отделиться от того звукового количества, которое он имел раньше, и от места его создания. Он, также, может инициировать склонение имен, в силу его синтаксической функции, так как введя за окончаниями, которые меняются в соответствии со склонением, изменяется их (окончаний) произношение в конце слова – это про харф-предлог. *Harafa* ‘уклонить’ – чтобы уклонить что-либо, необходимо это удалить от места его нахождения, так как уклонение осуществляется при отделении точки концентрации, которая является центром его тяжести. Далее нужно повторить приложение силы, требующейся для уноса, так как невозможно в процессе уклонения чего-либо не узнать его тяжесть, что свидетельствует о неоднократном приложении усилий в данном процессе.

Харф в арабском языке можно определить как «звуковую ткань», которая количественно изменяется в зависимости от гласной силы, приложенной для ее произношения. Согласный – это мертвое фонетическое количество, которое оживляется гласной силой. Согласный – это тело, а гласный – это его душа (Ibrahimi, 2012: 20) или «Гласные – текущие, согласные – твердые. Согласные можно назвать костью и плотью языка, гласные же – тем, что орошает и живит твердые части кровью и дыханием» (Buslaev, 1992: 199).

Таким образом, первый элемент, выделенный Аристотелем должен быть неделим и является основным звуком, который Ибн Джинни называет основным элементом. Он же является первым элементом языковой системы – фонограмматики, и должен иметь значимое звукоподражание. В звукоподражательной системе он самостоятелен, но может выразить осмысленную идею только в сочетании с другими харфами в порядке трех действий процесса. Вторым элементом данной системы является слог, так как «согласным звукам необходимо сопровождаться движением воздуха, который по отверстию, где проходит, и по месту, где образует звук, определяет различные согласные звуки» (Buslaev, 1992: 199). Это равносильно арабскому харфу, который количественно изменяется в зависимости от «оживляющего» его гласного. Он уносится от места его образования количеством гласной силы, придающей ему долготу или краткость, но он обладает значимым звукоподражанием только в сочетании с нужными для образования полноценного слова элементами. Третий элемент данной системы это союз по терминологии Аристотеля, но в арабском языке, он так же называется харфом в силу того, что его звуковое количество изменяется в зависимости от изменяемой сопровождающей его гласной силы. Но полноценной звукоподражательной семантикой номинации или действия он не обладает из-за недостатка в его составе значимых элементов, от которых зависит процесс, состоящий из трех действий. Он же участвует в склонении полноценных элементов (имён), имеющих полноценную звукоподражательную семантику, являющихся

разумным словом со звукоподражательной самостоятельностью. Таким образом, харф не может иметь статус слова с полноценной звукоподражательной самостоятельностью из-за недостатка элементов, нужных для формирования имени или глагола, но его нельзя считать и слогом, поскольку он может состоять более чем из одного слога.

Из-за его промежуточного статуса, Аристотель расположил предлог между слогом и членом предложения, так как он может быть членом предложения, но слогом может и не являться. Далее, в нашей системе, следуют имя и глагол, имеющие полноценные фоносемантические самостоятельности. Следует указать, что влияние Аристотеля на принцип выделения частей речи в арабском языке, сформулированный Имамом Али, не было выявлено, поскольку арабы определяли части речи фоносемантически и функционально, Аристотель же – только функционально. При разборе других элементов языковой системы – фонограмматики – флексии и предложения (по терминологии Аристотеля), в рамках фоносемантического разбора фонограмматических элементов, будут приводиться доказательства, подтверждающие независимое возникновение двух теорий.

Морфонологический уровень фонограмматического строя – словообразовательное звено

Ключевые элементы арабского корня, содержащие в себе его лексическое значение, обладают фоносемантической самостоятельностью и подвергаются категорированию не только на втором, но и на прочих уровнях арабской грамматики. Эти элементы приобретают морфонологические (родовые, числовые и падежные) маркеры флективно посредством «фонообразования». При этом элементы, развиваясь в морфонологические структуры, составляют звуковую модель, в которой согласные и гласные соединяются в одну звуковую «ткань». Таким образом, арабское словообразование «движется в обратную сторону» – от минимальных элементов к более сложным структурам – слова с морфологическими маркерами. Арабская система словообразования помогает выделить морфонологическую самостоятельность частей речи, и связать все уровни языка. В связи с тем, что морфология, как правило, рассматривается в лингвистической науке как «наука о формах слов» (Watson, 2002: 122) или как изучение функционирования системы символов, являющихся неотъемлемой частью как формальных, так и естественных (слышимых) языков, влияние «фонообразования» на языковую категоризацию может оставаться незамеченным или малоизученным (Al-foadi, 2015a: 160). Это объясняется тем, что в человеческих языках произношение может иметь несколько вариаций, фиксация которых зависит от средств общения и условий записи. Абстрактная морфологическая модель не должна ограничиваться текстами, написанными в рамках одной стандартной орфографии (Smrž, 2007: 14). Произношение звукового состава слова и его отражение на письме, теоретически, должны соответствовать друг другу, однако уровень соответствия во многом зависит от типа используемой письменности, так как в некоторых письменных традициях гласные пишутся отдельно от согласных. Так, например, в арабской системе письма краткие гласные – огласовки – пишутся надстрочными или подстрочными значками («харакат»), что отображает неотделимость согласного от гласного. Согласный и гласный представляют собой один неразделимый звук («харф») в силу того, что гласный является модификацией согласного, приводящей его в действие. Письменное отражение звука, наиболее соответствующее слышимому произношению, осуществляется посредством отображения гласного и согласного в одном знаке. «Для того чтобы и на письме обозначать эту естественную связь, было бы правильнее изображать гласные не как отдельные буквы, а лишь как

модификации согласных, как это принято в целом ряде азиатских алфавитов» (Humboldt, 1984: 86-87). Таким образом, звукоподражательные значимые элементы корня в именах и глаголах, изменяются в соответствии с моделями, по которым они были образованы. В каждой модели определяется набор гласных для огласования любого согласного корня арабского языка, поставленного в данную форму. Например, *fa'ala* – модель для неопределенной формы глагола типа *ḥafara* ‘рыть, копать’, *ḥarafa* ‘уклонить’, *qaṭara* ‘капать’, *raqaṭa* ‘сделать пятнистым’, *ṭaraqa* ‘стучать’ и т.д.

В данной модели огласовкой для каждого из элементов корня является гласный /a/, который выражает долготу или краткость модифицированного им согласного в фонетической структуре первоначальной модели. Однако, чтобы базовые элементы корня, содержащие в себе его лексическое значение, при морфологической категоризации не утрачивали семантическую чистоту арабского корня, фонетически они должны изменяться только количественно, без присоединения к корню лишних элементов. Соответствующая функция заложена в арабской системе словообразования, которая выступает, в данном случае, в качестве соединителя первого уровня – фоносемантического – со вторым – морфонологическим, сохраняя при этом фоносемантическую самостоятельность соответствующих элементов языковой системы. Арабское словообразование – это способ, с помощью которого фонограмматические уровни арабского языка связываются между собой, так как в самой структуре арабского языка заложен безграничный потенциал для деривации новых слов по аналогии, поскольку их корни являются трёхсогласными (Baker, 1987: 186). Стоит отметить, что арабская система словообразования также способна успешно ассимилировать и адаптировать современную терминологию (научную, экономическую и т.д.) (Subich, 2017: 870). Итак, согласные элементы корня с гласной /a/ по модели *fa'ala*, чтобы приобрести морфологические маркеры – род, число и падеж, – количественно изменяются посредством «гласной модификации». Как мы можем видеть, в первоначальной модели *fa'ala* каждый элемент корня связан с гласной «a» (1-a, 2-a, 3-a). Однако в процессе морфонологической категоризации ими приобретаются иные морфологические маркеры, на основе которых, определяются маркеры синтаксические. Так, по модели *fā'il* (причастие мужского рода единственного числа именительного падежа) все элементы корня количественно изменяются: 1-*ā*, 2-*i*, а 3-ий уступает свою гласную силу в пользу первого элемента, так как гласный звук согласного элемента, по флективным законам языка, не может просто исчезнуть. Примерами могут служить следующие глаголы: *ḥafara* ‘копать’ → *ḥāfir* ‘тот, кто копает, копатель’, *ḥarafa* ‘уклонить’ → *ḥārif* ‘тот, кто (то, что) уклоняет, уклоняющий’, *qaṭara* ‘капать’ → *qāṭir* ‘тот, кто (то, что) капает, капаящий’, *raqaṭa* ‘сделать пятнистым’ → *rāqīṭ* ‘тот, кто (то, что) делает пятнистым, делающий пятнистым’, *ṭaraqa* ‘стучать’ → *ṭāriq* ‘тот, кто стучит, стучающий’ и т.д.

Значительная часть процесса соединения первого, фоносемантического уровня арабского языка со вторым – морфонологическим, зависит от словообразования, поскольку базовые элементы корня приобретают свои морфологические маркеры без присоединения дополнительных средств, и таким образом сохраняется чистота арабского языка, и облегчается процесс понимания ключевой идеи корня. Таким образом, становится ясно, почему фоносемантическая самостоятельность свойственна только имени и глаголу, и раскрывается причина обратного направления развития арабского языкознания. Роль соединителя, выполняемая словообразованием, заключается в том, что имя и глагол выступают в роли «мотивирующей основы» для образованных от них

языковых единиц. Фоносемантическая база определяется по звукоподражанию элементов данной «мотивирующей основы», а первичный грамматический маркер – по изначальному звуковому количеству, выраженному элементами, которые могут иметь смысловое звукоподражание. Морфонологические маркеры (род, число и падеж) определяются на слух по морфонологическим моделям, которым должны полностью соответствовать производные слова. Фонограмматической строй действует прогрессивно: от базовых элементов, выделенных по их физиологическому звучанию, и приобретающих родовые, числовые и падежные маркеры с помощью словообразования, как соединителя первого уровня со вторым, до структурных слов, имеющих морфонологические знаменатели.

Следует отметить, что, для того, чтобы процесс обратного направления науки о языке от элементов в структуры функционировал и элементы приобрели морфонологические маркеры, в процессе морфонологической категоризации участвует весь звуковой состав корня. Поэтому мы не можем выделить один звук в качестве маркера морфонологического, семантического или лексического значения, но весь звуковой состав является маркером для неотделимых друг от друга значений, полученных в результате категоризации корневых элементов. Это первое правило языковой самозащиты, соблюдение которого обеспечивается «соединителем» фонограмматического уровня – словообразованием. Второе правило арабской системы языковой самозащиты заключается в отсутствии аффиксации. Под аффиксом в лингвистике понимается языковая единица, которая была самостоятельным словом, прежде чем превратилось в аффикс (Serebrennikob, 1963: 46; Kubryakova, 1981: 34).

В классическом арабском языке, грамматические звуки никогда не являлись словами, а присоединение любого лишнего элемента к корню недопустимо. Это оправдано тем, что прибавочный элемент, может нарушить фоносемантическую самостоятельность корня. В случае выражения грамматического или грамматико-семантического значения, к корню допускается присоединение грамматических харфов. Данные харфы хорошо известны в арабской грамматике и были собраны в одном словосочетании *سألْتُمو نِيَّيها saā'ltumūnīthā* 'вы спросили у меня её' (Girgas, 1873: 49-50).

Таким образом, эти харфы вкупе с фонетическими изменениями могут придать элементам корня только грамматические или грамматико-семантические значения (Al-foadi, 2014). Например, *t-* для обозначения возвратности действия: *qaraba* 'приближать' → *taqārabā* 'два существа мужского рода приблизились друг к другу', *ānaqa* 'обнимать' → *ta'ānaqā* 'два существа мужского рода обнялись', *fahama* 'понимать' → *tafāhamā* 'два существа мужского рода понимали друг друга, разобрались'; *ā-* для выражения двойственного числа типа *ḥafara* 'копать' → *ḥafarā* 'два существа мужского рода копали', *ṭaraqa* 'стучать' → *ṭaraqā* 'два существа мужского рода стучали'. Харф *m-* вместе с гласной модификацией для выражения причастия страдательного залога: *ḥafara* → *maḥfūr* 'раскопанный', *ṭaraqa* 'стучать' → *maṭrūq* 'ударенный (стуком), рассмотренный' (в арабском языке глагол *ṭaraqa* употребляется, как синоним для глагола 'рассмотреть'). Таким образом, минимальные значимые элементы корня, обладающие фоносемантической самостоятельностью, превращаются в слова-структуры, а их смысловое звукоподражание не может быть утрачено в силу арабской системы языковой самозащиты, так как грамматические харфы сами по себе являются асемантическими. Элементы получают маркеры, защищая корни от разложения звукоподражательного характера, и придавая им морфонологическую устойчивость. С помощью данной устойчивости, выделяются морфонологические элементы языковой

системы, и части речи, поскольку части речи также являются элементами фонограмматического строя.

На данном уровне существительное обладает морфонологической самостоятельностью, полученной в результате гласной модификации основных элементов корня, так как в арабском языке система словообразования не позволяет ключевому составу корня разрушиться; другими словами, существительное является языковой единицей с самостоятельными маркерами. Оно приобретает данные морфонологические маркеры в результате количественного изменения своего звукового состава и/или присоединения грамматических харфов, то есть оно морфологически маркируется без участия суффиксов, в основе которых лежат самостоятельные или служебные слова. Морфологическая самостоятельность арабского имени заключается в том, что от его грамматических маркеров зависят грамматические маркеры всех подтипов имён (местоимений, числительных, прилагательных и всех категоризируемых по роду слов, включая такие как *نُو* 'обладающий', *الذي* 'который' и так далее), поскольку только имя существительное обладает родовой самостоятельностью, а другие подтипы имён с ним согласуются. Иными словами, числительные и прочие, зависимые от имени существительного слова могут изменять род, для согласования с соответствующим именем, в котором, в свою очередь, род не меняется. Имя существительное обладает родовой самостоятельностью, а другие подтипы имён, находящихся в грамматической зависимости от него, и согласующихся с ним, данной родовой самостоятельностью не обладают. Например, слова *dars* 'урок' – имя существительное мужского рода единственного числа и *ā'rđ* 'земля' – имя существительное женского рода единственного числа, обладают устойчивыми родовыми маркерами, которые указывают на их родовую самостоятельность.

Остальные подтипы имён, данной родовой самостоятельностью не обладают, поэтому они меняют свою структуру, чтобы согласоваться с именем существительным, например, *hādā darsun kabīrun* 'это – большой урок', *hādīhi ā'rđun kabīratun* 'это (эта) – большая земля'. Как мы можем видеть, существительные *dars* 'урок' и *ā'rđ* 'земля' обладают родовой самостоятельностью, а слова *hādā/hādīhi* и *kabīrun/kabīratun* данным свойством не обладают, в силу чего они не могут быть самостоятельными частями речи. Глагол также согласуется с именем в роде и числе, однако он обладает семантикой действия и времени, которые у существительных отсутствуют. Поэтому глагол выделяется в особую часть речи в силу его морфонологической спрягаемости и фоносемантической самостоятельности. Стоит также отметить, что морфологическое спряжение глагола отлично от именного спряжения.

Наречие не обладает морфологической самостоятельностью и относится к той части речи, от которой оно образуется и частично присваивает некоторые её признаки, однако оно не имеет полной морфологической категоризации по роду, числу и падежу, и не обладает различными морфологическими формами. Оно сохраняет одну морфологическую форму, образованную на основе той части речи, которая является для него «мотивирующей основой».

Харфы (предлоги, союзы, частицы и междометия) не обладают морфологической самостоятельностью, и выделяются в одну часть речи из-за того, что они не обладают полноценными морфологическими признаками имён или глаголов. Харфы не могут иметь различные морфологические формы, изменяемые по роду, числу и падежу, поэтому в них отсутствует морфологическая самостоятельность, необходимая для выделения части речи на втором языковом уровне.

На данном уровне выделяются только два элемента языковой системы, которые одновременно играют роль частей речи – имя и глагол. Они, в отличие от харфа, обладают морфологической самостоятельностью, в силу чего последний не выделяется как элемент языковой системы или как часть речи, способная морфологически категорироваться на этом – морфологическом – уровне языковой системы. Стоит отметить, что некоторые слова, выделяющиеся в русском языке как союзы (напр. «который»), в арабском языке являются именами.

Фоносинтаксический уровень фонограмматического строя

Выделение синтаксических маркеров невозможно без определения ключевого смысла корня, так как не любое сочетание звуков является значимой языковой единицей, способной приобретать грамматические маркеры. Слова с полноценным фоносемантическим составом могут приобретать морфологические маркеры (рода, числа, падежа), на которые, посредством гласной модификации звукового состава всех элементов корня, ориентируются маркеры синтаксические. Морфонологические маркеры членов предложения в арабском языке определяются в соответствии с их морфонологическими моделями. Вышесказанное не относится к харфам, так как они не подвергаются морфологической и синтаксической категоризации. Это удачно демонстрирует роль словообразования как «связующего звена» во флективном строе в целом, так как его элементы приобретают морфологические маркеры после словообразовательной категоризации. Маркеры рода, числа и падежа, от которых зависит определение маркеров склонения, получаются в результате гласной модификации базовых элементов корня. Весь процесс происходит по законам фонограмматики, и организуется при помощи моделей: смысловое звукоподражание элементов корневых → маркирующее словообразование (фонообразование) → фонетическое склонение на основе морфологических маркеров, определённых по моделям.

Таким образом, модели *fa'āl* соответствуют имена существительные мужского рода единственного числа: *ḡarrāḥ* 'хирург', *rassām* 'художник', *sammāk* 'продавец рыбы', *qaṣṣāb* 'мясник', модели *fa'ala* – глаголы неопределенной формы: *šaraba* 'пить', *šabara* 'измерить пядью', *faraša* 'постилать'.

Имя существительное обладает фоносинтаксической самостоятельностью, синтаксически категоризируется в соответствии с устойчивыми родовыми маркерами, а другие подклассы имен типа (пять, мой, красивый и др.), постоянно изменяются вслед за родовыми, числовыми и падежными маркерами имени существительного, от которого грамматически зависят, и не могут иметь устойчивых грамматических маркеров.

У местоимений данная самостоятельность также отсутствует, и они, соответственно, изменяются по роду в зависимости от существительного. В наречиях категория рода не выделяется, из-за чего их нельзя признать отдельной частью речи. Харфы не подвергаются синтаксической категоризации, однако могут являться членами предложения в силу того, что они играют определенную синтаксическую роль. Глаголы категорируются только морфологически, но могут быть и членом предложения, поскольку с ними связывается семантика времени и действия, и частью речи на синтаксическом уровне языка.

Таким образом, мы не можем выделить имена числительные, местоимения, имена прилагательные и прочие, как самостоятельные части речи, так как они находятся в постоянной синтаксической зависимости от существительного. Глаголы содержат в себе семантику времени и действия, из-за чего не могут быть включены в класс имён, а выделяются как

самостоятельная часть речи. Харфы не категорируются морфологически, но могут играть определенную синтаксическую роль, отличающуюся от ролей имён и глаголов, поэтому они выделяются как особая часть речи. На данном языковом уровне выделяются три элемента языковой системы, которые, по своей синтаксической функции, служат частями речи.

Выводы

Фонограмматический строй классического арабского языка представляет собой систему, в которой языковые элементы выделяются, начиная с минимальной значимой единицы – звука. Поэтому выделение Аристотелем «основного звука» как первого элемента языка представляется нам оправданным, в силу того, что каждый ключевой звук арабского корня имеет своё значение. Значимость этих первых по классификации элементов («основных звуков») заключается в их физиологическом звукоподражании и порядке их организации, с целью образования лексического значения корня. Они представляются ядрами фонограмматического строя и основным материалом его первого уровня – фоносемантического. Благодаря этим элементам выделяется фоносемантическая самостоятельность, с помощью которой можно определить не только смысловое значение корня, но и принадлежность языковых элементов.

Согласные элементы корня не могут произноситься без участия гласных звуков, что оправдывает выделение слога как второго элемента языковой системы. Основное отличие системы фонограмматики от словесного изложения Аристотеля заключается в том, что в работе античного автора выделяется союз, а в системе арабского языка – харф, включающий в себя те единицы языкового строя, которые не обладают фоносемантической и морфонологической самостоятельностью, но синтаксически могут являться членом предложения. На первом – фоносемантическом – уровне языковой системы все её элементы – звук, слог, харф, имя и глагол, и части речи – имя, глагол и харф, выделены по критерию «значимого звукоподражания».

На втором, неразрывно связанном с первым, языковом (морфонологическом) уровне, выделяются только те элементы фонограмматического строя, которые также являются частями речи – имя и глагол, а отсутствие в этом ряду харфов объясняется тем, что последние морфологически не категорируются и, соответственно, не могут обладать морфонологической самостоятельностью. На третьем уровне фонограмматической системы (фоносинтаксис), выделяются три части речи, которые в то же время являются элементами речевой структуры, поскольку, могут быть членами предложения. Однако стоит заметить, что только имя существительное содержит в себе полную фоносинтаксическую самостоятельность, так как обладает родовыми, числовыми и падежными маркерами на третьем языковом уровне. Глаголы же несут в себе семантику действия и времени, однако не могут обладать маркерами, по которым склоняются имена существительные, и согласуются с ними в роде, лице и числе.

Возможность развития минимальных значимых элементов арабского корня в более сложные структуры, обладающие способностью категорироваться морфологически и синтаксически, и, в то же время, обладать звукоподражательным смыслом, на наш взгляд, является подтверждением истинности и актуальности гипотезы Куриловича об обратном направлении в науке о языке.

Bibliographic references

- ABBAS, KH. 1998. Ḥaṣa'ṣ al'ḥurūf al'arabia ua ma'āniḥā. Damascus: Manšūrāt 'tīḥād al'kutāb al'arab. NO ISBN.
- ALAJMI NASER, K. A. 2006. Bin Deris Safa'ai, Alnajem Salah. A Finite-State Approach To Arabic Broken Noun Morphology. In: Proceedings of the Postgraduate Annual Research Seminar (PARS 06), 24-25 May, Postgraduate Studies Department, FSKSM, UTM Skudai. NO ISBN.
- ALEXIS, A.N. – LAPORTE, E. 2013. Pattern-and-root inflectional morphology: the Arabic broken plural. Language Sciences. Britain: Elsevier, pp. 221-250. ISSN: 1873-5746.
- AL-FARAHIDI, A.A. 1985. Al-Khalil ibn Ahmed al-Farahidi. Al'ain [Alain] ṭh. Dr. Mahdi. NO ISBN.
- AL-FOADI, R.A. 2014. Odin kluch ot dveri v beskrainiy mir arabskogo yazyka: osnovniye pokazateli flektivnosti. Berlin: Lambert Publishing Academy. ISBN: 9783659599064.
- AL-FOADI, R.A. 2015a. O kanonicheskoi fonogrammaticheskoi blizosti dvoistvennogo chisla v arabskom I russkom yazykakh. In: Bestnik nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo, n. 2, pp. 157-161. ISSN: 1993-1778.
- AL-FOADI, R.A. 2015b. Progressivnaya semanticheskaya fonogrammatika: printcity arabskoi fonostruktury. In: Filologicheskie nauki: voprosy teorii I praktiki, n. 5 (47), pp. 13-23. ISSN: 1997-2911.
- AL-FOADI, R.A. 2016a. Printcity fonogrammatiki v prilozhenii k progressivnoi yazykovoii kategorizatsii arabskikh I russkikh kornei. In: Filologicheskie nauki. Nauchnie doklady vysshei shkoly, n. 6, pp. 20 –26. ISSN: 2310-4287.
- AL-FOADI, R.A. 2016b. Fonogrammatika ili nulevaya affiksatsiya v sisteme semitskogo i indoevropskogo slovoobrazovaniya (fonostrukтура). In: Selitshevskie chteniya: Elrtskiy gosudarstvenniy universitet imeni I.A. Bunina, pp. 137-145. ISBN: 978-5-94809-837-1.
- AL-NA'ĪMĪ, H.S. 1989. Aṣūāt al'rabīa baīn altaḥūal ūa al ṭabāt. [Arabic sound between changing and stability]. Baghdad: J āmi'at Baḡdad. NO ISBN.
- BAKER, M. 1987. Review of Methods Used for Coining New Terms in Arabic. In: Meta 322, pp.186–188. ISSN: 0026-0452.
- BELKIN, B.M. 1975. Arabskaya leksikologiya. Moscow: Izdatelstvo moskovskogo universiteta. NO ISBN.
- BUSLAEV, F.I. 1992. Prepodavanie otechestvennogo yazika. Moscow: Prosvesheniye. ISBN: 5-09-004461-9.
- GABUCHAN, G.M. 1965. K voprosu o structure semitskogo clova (v svyazi s problemoi vnutrennei fleksii. In: Semitskie yaziki. Moscow, vol. 2, pp. 114-127. NO ISBN.
- GIRGAS, V. 1873. Ocherki grammaticheskoi sistemy arabov. St. Petersburg: Tipografiya imperskoi akademii nauk. NO ISBN.
- GRANDE, B.M. 1963. Kurs arabskoi grammatiki v sravnitelno-istoricheskom osvshenii. Moscow: Isdatelstvo vostochnaya literatura. NO ISBN.
- HUMBOLDT, V. 1984. Izbrannie Trudy po yazykoznaniyu. Moscow: Progress. ISBN: 5-7859-0027-0.
- IBN JINI, A.O. 1950. Al'taṣrīf Al'maluki [Morphology]. Cairo: Šarikat Al'tamadun Al'šina'īa. NO ISBN.
- IBN JINI, A.O. 2011. Khasais [The features]. Baghdad: Matba'at dar alshun. ISBN: 997-421-764-1.
- IBRĀHĪMĪ, B. 2012. Fīziā Alharakāt al'rabīa baīn taqdīrāt alqudamā ūa qīāsāt almuḥadiīfīn [Physics of Arabic short vowels between the evolution of old grammarians and measurements of modern linguists]. Uahrān.: J āmi'at ūahrān. NO ISBN.

- KARAM, R.A. 2009 Vnutristrukturnaya i semanticheskaya obuslovlennost komponentov slozhnykh zoomorfnykh sushestvitelnykh. In: Studencheskiy vestnik. Eletskiy gosudarstvenniy universitet imeni I.A. Bunina, vol. 4, pp. 97-107. ISBN: 978-5-94809-412-0.
- KASEVICH, V.B. 1977. Elementy obshei lingvistiki. Moscow: Nauka. ISBN: N/A.
- KASHER, A. 2012. The term ism in medieval Arabic grammatical tradition: A hyponym of itself. In: Journal of Semitic Studies LIV/2 2009. Oxford University Press, pp. 459-474. ISSN: 0022-4480.
- KUBRYAKOVA, E.S. 1981. Tipy yazikovikh znacheniy proizvodnogo clova. Moscow: Nauka. NO ISBN.
- KURILOVICH, E. 1962. Lingvistika I teoriya znaka. In: Ocherki po lingvistike. Moscow: Izdatelstvo inostranoi literatury, pp. 9-21. NO ISBN.
- POTEBNYA, A.A. 1985. Iz zapiski po russkoi grammatike. Moscow: Prosvesheniye, vol. 4. NO ISBN.
- SEREBRENNIKOB, B.A. 1963. O prichinakh ustoichivosti agglutinativnogo stroya. In: Voprosy yazikoznaniya, n.1, pp. 46-57. ISSN: 0373-658X.
- SĪBWAYH, A.U. 2004. Al-Kitāb. [Al-Kitāb]. J.1. T. Abed Al-Salām Mohammed Hārūn. Cairo: Maktabat Al-Khānachi. NO ISBN.
- SMR̂Z, O. 2007. Functional Arabic morphology. Formal system and Implementation. Doctoral Thesis. Prague: Charles University in Prague. Institution of formal and applied linguistics. Faculty of mathematics and physics.
- SUBICH, V.G. – AL-FOADI, R.A. – MINGAZOVA, N. G. – ZAKIROV, R.R. 2017. Ways of creating Arabic Scientific Terminology. In: Revista Publicando. RML Consultores, pp. 866-875. ISSN 1390-9304.
- TRONKIY, I.M. 1941. Uchenie o chastyakh rechi u Aristotelya. In: Uchenie zapiski LGU. Filologicheskie nauki, v. 7, n. 63, pp. 20-36. NO ISBN.
- VORONIN, S.V. 2009. Osnovy fonosemantiki. Moscow: Lenand. ISBN 978-5-9710-0259-8.
- WATSON, J.C.E. 2002. The Phonology and Morphology of Arabic. New York: Oxford University Press. ISBN: ISBN 978-0-19-925759-1.
- YARTSEVA, V.N. 1998 Yazikoznanie. Bolshoi entsiklopedicheski slovar. Moscow: Possiyskaya entsiklopedia. ISBN: 5-85270-307-9.
- ZGAGI, A.I. 1987. Amali Al-Zgagi [Dictations of Zgagi]. Beirut: Dal Al-Jeel. NO ISBN.

Words: 8 393

Characters: 57 487 (31,94 standard pages)

Associate Prof. Rahim Ali Al-foadi, PhD.
 College of languages, department of Russian language
 University of Bagdad
 10047 Bab- Al-Mudam
 Republic of Iraq
 raheem_3friend@yahoo.com

Associate Prof. Nailya Gabdelkhamitovna Mingazova, PhD.
 Leo Tolstoy Institute of Philology and Intercultural Communication
 Kazan (Volga region) Federal University
 18 Kremlyovskaya Street.
 420008 Kazan
 Russia
 nailyahamat@mail.ru